

Ночь переворота.

Лунный свет был трагически прекрасен, весенний ветер — суетен и роскошен. Неспешно и безмятежно, растворяясь в тишине, он проносился над окутанным темнотой миром.

Глубокой ночью серебристо-серый тусклый свет проливался сквозь приоткрытую резную сандаловую дверь, и перед глазами внезапно представала картина весеннего разврата.

В комнате две переплетенные в объятиях фигуры снова и снова раскачивались из стороны в сторону. Соблазнительная женщина лежала ничком на постели, ее алое расшитое длинное платье напоследок соскользнуло с плеч, обнажая нежную, словно вода, кожу.

Из-за яростных толчков позади стоящего мужчины женщина не переставая издавала чувственные, распутные стоны, переходящие в нежный хрип. Каждый звук резал слух, проникая прямо в сердце.

— Ха... ах... Цинь Цзи... почему мне никогда не надоедает трахать тебя, сколько бы я ни брал? Черт возьми! Эту сучью сладость заместитель главы поистине оценил по достоинству! Женщина, принимающая на себя мощные толчки мужчины, услышав его слова, ещё усерднее задвигала тонкой, похожей на змеиный стан талией, теснее прижимаясь к нему, а затем повернула голову и с кокетливым призывом проворковала:

— Уважаемый Цзучжу... Разве заместитель Цзучжу может сравниться с вами в силе... Быстрее же, Цинь Цзи хочет вас...

Названный Цзучжу мужчина средних лет, послушавшись Цинь Цзи, принялся двигаться с ещё большим неистовством и рывкнул:

— Дрянь! Говори! Ты что, крутила шашни с заместителем Цзучжу, иначе откуда тебе знать, что он не так хорош в постели, как я!

Почувствовав легкий гнев того, кто был позади, Цинь Цзи слегка изогнула алые губы, отделилась от тела Цзучжу и встала лицом к нему, полностью обнажив своё хрупкое, изящное тело перед мужчиной, после чего соблазнительным, завораживающим голосом произнесла:

— Уважаемый Цзучжу... как вы догадались?

— Что ты сказала? Дрянь, ты и впрямь легла в постель заместителя Цзучжу? — Изначально так называемый Цзучжу бросил это лишь со зла, никак не ожидая, что Цинь Цзи признается без всякого смущения.

— Уважаемый Цзучжу, что за глупости вы говорите... Разве Инь Юэ посмел бы прикоснуться к вашей женщине?

В этот момент приоткрытая створка двери медленно отворилась, и просторное помещение

прорезал холодный голос, мгновенно развеявший витавшую в воздухе атмосферу плотской страсти. Глава культиго сдвинул густые брови, вперив взгляд в вошедшего в распахнутую дверь и неспешно ступающего белодежного мужчину, и рявкнул:

— Инь Юэ! Кто разрешил тебе входить?! Пошел вон!

Инь Юэ приподнял бровь и усмехнулся. Его длинные черные прямые волосы были небрежно перехвачены посредине красной лентой и свисали на спину. Наверное, весенний ветерок растрепал его пряди, из-за чего несколько черных локонов падали на бледно-лиловые одежды без каких-либо украшений.

Если смотреть издали, эта стройная фигура в фиолетовом казалась столь пленительной, что напоминала сошедшего с небес небожителя.

Но стоило разглядеть мужчину получше или приблизиться к нему, как помимо притягательной, неземной красоты начинаешь ощущать подавляющий ужас от исходившей от него зловещей ци инь. Особенно если заглянуть в его прищуренные, насмешливо приподнятые глубокие и демонические глаза. Наполовину прикрытые веки вечно источали холодный свет — в этих зрачках мерцали лишь жуткий расчет и жажда крови.

— Пошел вон! — полуголый глава культа снова сорвался на крик, яростно рявкнув на Инь Юэ.

Услышав это, Инь Юэ не только не вышел из комнаты, но и с презрительным видом бросил взгляд на так называемого главу, после чего неторопливой, вальяжной походкой направился к ложу и высокомерно опустил на него.

На глазах у главы Цинь Цзи прильнула к боку Инь Юэ, кокетливо уронив голову ему на плечо, и с улыбкой произвела:

— Глава... сегодня отсюда выкатятся... пожалуй, вы? Цинь Цзи предвидит, что вас вынесут вперед ногами.

— Инь Юэ, ты вздумал бунтовать? — Глава, конечно же, остерегался этого внешне хрупкого, но на деле амбициозного человека. Просто в последние два года он действительно замечал за ним неладное, да и к тому же с его собственным могущественным уровнем культивации разве мог какой-то жалкий Инь Юэ причинить ему вред?

— Убить его! — Инь Юэ, только что хранивший на губах легкую улыбку, мгновенно сбросил с лица беспечность, а его брови и взгляд наполнились леденящей, пронзительной злобой.

Стоило холодному голосу умолкнуть, как вокруг из закрытых деревянных окон внезапно появились пять фигур и с мечами наперевес бросились на главу культа.

— Инь Юэ! Неужели этой горсткой людишек ты надеешься... кхе-кхе... — Мужчина хотел

сказать: «Неужели ты думаешь тягаться со мной с помощью этой жалкой кучки людей? Ты просто ищешь смерти!» Однако он не успел договорить, как изо рта у него фонтаном хлынула черная кровь, а тело вмиг пронзила смертная слабость.

— Поднимите его, я хочу взглянуть, что стряслось с нашим великим главой.

— Есть! — Хуа Ин и Сюань Сяо, приблизившиеся к главе культа, кивнули и почтительно подхватили его обмякшее тело. Инь Юэ, увидев это, поднялся и приблизился к нему. В его слегка прищуренных глазах читалось глубокое презрение. Правой рукой он нежно потирал кроваво-красное нефритовое кольцо на среднем пальце левой руки и с интересом произнес:

— Глава... вкус у Цинь Цзи что надо... Я так и знал, что тебе понравится. Ведь ее тело пропитано ядом, который поможет тебе сделать шаг навстречу блаженному миру... раньше времени.

— Ты... ты отравил ее... подлец... — Глава никак не ожидал такого поворота.

— Ха-ха-ха... Подлец? Не забывай, мы оба из демонической секты. Подлость — разве не наш излюбленный прием? Впрочем... ты должен быть мне благодарен за то, что перед смертью позволил тебе в последний раз предаться любовным утехам. Иначе как бы ты умер, вкусив плод пиона? Как бы ты отправился в загробный мир, став там распутным призраком?

— Инь Юэ! Ты думаешь, убив меня, остальные члены секты подчинятся тебе? Не мечтай! На место главы заришься не только ты. Ты всего лишь заместитель, и пытаешься взять под полный контроль Демоническую организацию Гуймэй — это просто безумие!

— Ну что ж... тогда мне тем более стоит взять ее под контроль, вот только ты, кажется, этого уже не увидишь. А еще спасибо за те секретные каноны. Весьма недурно! — произнес он с коварной усмешкой, в которой не было и тени искренности. В глубине глаз блеснул холод, сменившийся насмешкой, и в тот же миг он вонзил меч прямо в сердце мужчины.

— Ты забрал Секретные каноны Инь и Ян? И начал практиковать? Ха-ха... ты... обязательно... умрешь еще мучительнее меня... обязательно...

Мужчина широко распахнул глаза, глядя на пронзивший грудь клинок, затем в последний раз посмотрел на Инь Юэ. Его глаза так и остались широко открытыми, полными предсмертного недоумения.

Инь Юэ слегка дернул уголком губ, изобразив подобие улыбки, и выдернул меч из тела. В тот же миг фонтан горячей, дурно пахнувшей крови брызнул на него, окрасив в багрянец его причудливое фиолетовое одеяние.

Инь Юэ с отвращением окинул взглядом капли крови на одежде. Даже не взглянув на труп главы, он холодно приказал:

— Убрать отсюда! Разрубить на куски и вывесить напоказ перед всеми членами секты. Тех, кто не подчинится, — казнить без пощады! С сегодняшнего дня я возглавляю Демоническую организацию Гуймэй и окрашу весь мир боевых искусств в кроваво-красный цвет!

Пятеро мужчин в комнате, державших мечи, и полуобнаженная Цинь Цзи, услышав слова Инь Юэ, одновременно опустились на одно колено и хором ответили:

— Глава мудр! Мы готовы следовать за вами до самой смерти!

— Ха-ха-ха...

Инь Юэ стоял к ним спиной, высокомерно задрал голову и заливаясь безумным смехом. В его смехе сквозило что-то пугающее, заставляющее содрогнуться. Наконец-то он стоял на вершине демонической секты. Теперь он будет взирать на этот темный мир свысока, наслаждаясь чужими страданиями и устилая землю телами своих врагов.

Глава первая. Возвращение генерала

— Доклад! — снаружи величественного дворца стоял евнух в темно-синих одеждах, отвечающий за срочные донесения. Склонив голову и согнувшись в поклоне, он держал над головой донесение с пометкой восьмисотилльной срочности, с почтением дожидаясь приглашения войти.

В зале для совещаний, на величественном троне, восседал мужчина средних лет в желтом халате с драконами. Лицо его выражало безмятежность, что создавало яркий контраст с золотыми драконами, вышитыми на его одеянии. Он покосился на стоявшего рядом главного евнуха и произнес:

— Пригласить его!

Главный евнух Ли Фу, получив приказ, кивнул и, сделав два шага вперед, обратился к стоявшим внизу гражданским и военным чиновникам своим звонким голосом:

— Впустить!

Евнух, ждавший снаружи, услышав приказ, поспешно вошел в зал. Дойдя до середины, он опустился на колени, бережно держа донесение обеими руками, и простерся ниц:

— Пришла радостная весть с границы. Прошу Ваше Величество ознакомиться.

Сяхоу И, услышав, что весть радостная, просиял и жестом приказал Ли Фу:

— Скорее подай сюда!

Ли Фу мелкими шагами спустился по ступеням, забрал донесение из рук евнуха и,

развернувшись, почтительно поднес его Сяхоу И.

Сяхоу И взял свиток и небрежно развернул его. В нем было четко написано: Подданный И Юньши, оправдывая многолетние надежды Вашего Величества, два дня назад успешно захватил Государство Цзышу. Правитель Государства Цзышу изъявил желание стать вассалом государства Сяхоу и ежегодно выплачивать дань: сто тысяч золотых, сто тысяч серебряных, тысячу рулонов ткани и по пятьсот голов скота — быков, овец и лошадей.

— Хорошо! Хорошо! Хорошо! — Сяхоу И с довольной улыбкой свернул донесение, трижды повторив одно и то же слово.

Чиновники, стоявшие внизу, с недоумением смотрели на сияющего императора, не понимая, что произошло.

— Достопочтенные министры, хотите знать, какая пришла весть? — с улыбкой спросил Сяхоу И, глядя на собравшихся.

— Мы жаждем услышать подробности! — в один голос ответили они.

— Четыре года! Целых четыре года войны, и наконец государство Сяхоу покорило Государство Цзышу. Теперь государство Сяхоу может по праву называться гегемоном среди четырех государств! — говорил Сяхоу И с таким воодушевлением, что все присутствующие заразились его восторгом.

Услышав это, гражданские и военные чиновники дружно опустились на колени и хором воскликнули:

— Поздравляем Ваше Величество! Поздравляем Ваше Величество с установлением гегемонии над четырьмя государствами! — Ха-ха... Я ждал этого дня много лет! В этот раз я непременно должен щедро наградить генерала И! — закончив фразу, государь перевел взгляд на второго принца, стоявшего впереди всех чиновников. — Сяхоу Хуань, я повелеваю тебе через два дня лично встретить генерала И у городских ворот в сопровождении всех гражданских и военных чиновников, а после устроить банкет в Зале Сяююань.

— Слушаюсь! Сын принимает волю императора! — Сяхоу Хуань опустил голову и сложил руки в приветственном жесте. Его холодный, четкий голос разнесся по всему дворцовому залу.

Все знали, что этот второй принц — самый любимый и почитаемый сын императора. Поручить ему столь важное дело, как встреча героя, означало, что император возлагает на него большие надежды.

Однако сам Сяхоу Хуань не считал это почетным заданием. Легендарный непобедимый генерал И Юньши потратил целых четыре года, чтобы завоевать государство Цзышу, и принц не видел причин для всенародного ликования по этому поводу. Впрочем, раз отец доволен,

возражать не стоило — всего лишь формально встретить человека, ничего особенного.

Два дня спустя у городских ворот столицы чиновники выстроились за спиной Сяхоу Хуаня, ожидая прибытия великого полководца. Улицы были забиты простым людом до отказа: толпы теснились, лишь бы хоть одним глазком взглянуть на человека, который в их глазах стал почти божеством.

— Скорее смотрите, едут! Едут! — вдруг раздался чей-то крик.

Вслед за нарастающим топотом копыт Сяхоу Хуань увидел мужчину верхом на коне в самом начале отряда. Из-за расстояния разглядеть его было трудно, но по прямой, статной осанке чувствовалась недюжинная сила.

Когда они приблизились, стало ясно: генерал вовсе не такой грубый, как он себе представлял, но и не такой суровый и холодный, как гласили легенды. Взглянув в его улыбающиеся глаза, принц уловил в них долю легкомыслия и насмешки.

С первого взгляда Сяхоу Хуань понял, что этот человек ему неприятен. Сам он был строг в делах, предъявлял жесткие требования и к другим, и к себе, и, стремясь к совершенству, презирал всякое позерство.

— Генерал И Юньши приветствует второго принца! — И Юньши, увидев Сяхоу Хуаня, на мгновение замер. Он не ожидал, что встречать его будет именно принц. К счастью, он быстро сориентировался и спрыгнул с коня.

— Генералу нет нужды соблюдать лишние церемонии. Мы здесь лишь по воле императора, чтобы поприветствовать вас. Прошу, пройдите к паланкину, вечером государь устроит банкет в Зале Сяоюань, чтобы отпраздновать ваше возвращение, — Сяхоу Хуань подавил неприязнь, сохранив на лице привычное спокойствие. Нельзя было отрицать, что он держался с подлинным императорским достоинством.

И Юньши не стал отказываться и поднялся в паланкин. Он полагал, что Сяхоу Хуань поедет вместе с ним, но, к его удивлению, принц остался снаружи.

На сердце внезапно стало пусто. За четыре года тот хрупкий, тщедушный принц, который, казалось, мог упасть от любого дуновения ветра, вырос и сравнялся с ним ростом. Его лицо, хоть и холодное, было поистине изящным. Говорят, девушки расцветают к восемнадцати, но кто бы мог подумать, что и мужчина за эти годы так сильно изменится.

Вспоминая то, что четыре года лежало у него на душе, И Юньши ощутил бессилие. Судя по отношению Сяхоу Хуаня, тот даже не подозревал, кем был «тот самый человек» из прошлого, и это стоило бы праздновать, но на душе было беспокойно. Казалось, именно этого человека он больше всего хотел увидеть, вернувшись домой.

И Юньши покачал головой и улыбнулся. Глядя сквозь занавески на радостные лица людей, провожающих паланкин взглядами, он почувствовал утешение: по крайней мере, его старания принесли народу радость.

По пути И Юньши заехал в резиденцию правого премьер-министра, чтобы успокоить мать, которая все эти годы не могла ни есть, ни спать от волнения. Она так дорожила своим единственным сыном. Когда его отец еще был генералом, этот мальчик, только вернувшийся с гор после обучения, вдруг объявил, что отправляется на войну вслед за отцом. Тогда мать выплакала все глаза, особенно в день отъезда, когда до последнего не отпускала его из объятий. Но он все равно ушел — у него была причина, связанная с самой жизнью, и участие в войне стало лишь предлогом для побега.

Никто не думал, что путь затянется на четыре года, за которые он превратился из беззаботного юноши восемнадцати лет в двадцатидвухлетнего непобедимого генерала.

— Сынок! Сынок! — Госпожа Дун, узнав, что сегодня сын вернется, все утро простояла у ворот. Она переживала за него каждую ночь, ведь он был ее единственной кровиночкой.

— Матушка, я вернулся! — И Юньши обнял ее в ответ. Он вовсе не удивился, что мать ждет его у порога — именно такой она была всегда.

— Хорошо, что вернулся, хорошо... Мой сын вырос, по-настоящему вырос! — Госпожа Дун отстранилась и с гордостью оглядела высокую фигуру сына.

— Матушка, прости, что я такой непутевый, заставлял тебя тревожиться день и ночь, — И Юньши бережно вытер слезы с лица матери, одну за другой.

Честно говоря, его прекрасная, элегантная мать сильно постарела за эти четыре года. Он знал, что это его вина, его эгоизм заставил ее так страдать. Его нельзя было винить: в восемь лет И Юньши отправили на гору Ланюй, в восемнадцать он спустился, и, не пробыв дома и двух месяцев, ушел в армию. И вот теперь, в двадцать два года, он снова стоял перед ней. Сердце родителей всегда полно жалости к своим детям, выношенным под сердцем, и каждый родитель мечтает лишь о том, чтобы видеть, как его ребенок растет день за днем.

Все чиновники собрались в Зале Сяюань. И Юньши, как герой дня, получил почетное место сразу после императора — величайшая честь для него и для всего его рода.

Больше всех ликовал правый премьер-министр И Юй. Сын принес семье такую славу — разве можно было не радоваться? Поэтому он без остановки принимал чарки от чиновников, предлагавших тосты.

И Юньши покачал головой, мельком взглянув на отца, сидящего наискосок, а затем его взгляд сам собой переместился на Сяхоу Хуаня. Он не понимал, что в этом человеке так сильно его притягивает. Неужели дело в том, что произошло четыре года назад? Та ситуация была лишь

недоразумением, так почему он никак не может выбросить её из головы?

Сяхоу Хуань заметил взгляд И Юньши и почувствовал себя так, словно к нему приклеили липкий пластырь. Хотя он не знал, о чем думает генерал, это внимание было ему крайне неприятно.

И Юньши хотел выпить с принцем, но тот лишь равнодушно скользнул по нему взглядом и снова опустил голову, приложившись к чарке.

Хе-хе... И Юньши вдруг усмехнулся про себя. Этот парень действительно с характером, совсем как его боевой конь Аосюэ — так и хочется его укротить.

Банкет подходил к концу. Чиновники разбились на группки: кто-то сочинял стихи, кто-то соревновался в том, кто больше выпьет.

И Юньши отмахнулся от нескольких поздравляющих и, едва успев выпить пару чарок, обнаружил, что Сяхоу Хуаня нигде нет. Наверняка принц отправился в какое-нибудь тихое место. Упустить такую возможность И Юньши не мог, поэтому принялся рыскать по саду в поисках синего одеяния.

Пришлось потратить немало усилий, но небо вознаградило упорного: неподалеку от пруда с лотосами он увидел Сяхоу Хуаня, который стоял в одиночестве и любовался цветами.

Тусклый лунный свет, мягкий ветерок... Ветер играл не только с прядями его волос, но и с полами его одежд. Подобно картине оживший образ предстал перед ним. Хотя лица было не разглядеть, одного лишь вида со спины хватило, чтобы сердце И Юньши забилось в бешеном ритме.

Он подошел ближе. Принц его не заметил, всё еще погруженный в созерцание лотосов. Это дало И Юньши возможность вдоволь полюбоваться им — казалось, на это можно смотреть вечно и никогда не устать.

Отражение Сяхоу Хуаня в воде, его синие одежды, бледная кожа в лунном свете и сосредоточенное выражение лица — И Юньши не удержался и прошептал: — Хм... до чего же красив...

— И Юньши? Когда ты здесь оказался? — голос И Юньши заставил его вздрогнуть.

Он обернулся и с удивлением посмотрел на генерала. Он совершенно не почувствовал его присутствия. Неужели он был так неосторожен, или же боевое искусство этого человека настолько глубоко?

И Юньши встал сбоку, встречаясь с ним взглядом. Заметив на прекрасном лице принца

холодную настороженность, он с намеренной усмешкой заметил: — Как раз в тот момент, когда ваше высочество с таким упоением любовались лотосами, я и подошел.

Легкомыслие! Именно так Сяхоу Хуань оценил поведение И Юньши.

— Раз уж генералу нравится созерцать, я не стану мешать. Прошу прощения, — холодно ответил Сяхоу Хуань, спрятал руки в рукава и собрался уходить.

И Юньши, которому редко удавалось остаться с ним наедине, в спешке схватил его за рукав: — Второй принц, прошу, задержитесь!

Сяхоу Хуань повернул голову, нахмурился, глядя на руку генерала, и от него сразу повеяло ледяным холодом: — Генерал И, что это значит?

И Юньши, конечно, знал, что не должен был хватать его за руку, но эта проклятая рука никак не хотела разжиматься. Разве он виноват? Он правда хотел отпустить, но не мог.

— Второй принц, составьте мне компанию в любовании лотосами. Красота в одиночестве — это скучно, куда приятнее любоваться ими вместе с вами.

Сяхоу Хуань вдруг подумал: как же этот человек может быть настолько бесстыдным? Мало того, что он не отпускает его, так еще и требует, чтобы он остался любоваться цветами? Он снова мысленно поставил этому человеку оценку: крайне неприятен.

— Прошу генерала отпустить меня, — Сяхоу Хуань изо всех сил постарался подавить вспыхнувшее внутри пламя гнева и произнес эту фразу как можно вежливее.

— Второй принц, скажите сначала, согласны ли вы составить мне компанию, а я тогда решу, отпускать вас или нет.

<http://bllate.org/book/21937/2279090>